

Погода была немного жаркой, и Мэй Ли ждала церемонии, стоя под крыльцом возле Сининского Дворца. Утреннее солнце припекало, и с её лба стекала струйка пота, но она не решалась её вытереть.

Когда Юань Гугу пришла забрать её, на её лице отразилось одобрение, потому что в прошлом Мэй Ли всегда отказывалась ждать снаружи и просто неуважительно врывается без разрешения. Она также продолжала бегать по двору, вызывая жуткий переполох. Эта принцесса никогда не соблюдала никаких правил.

В глазах гугу и момо дворца она просто нарочно бездельничала, хвастаясь перед всеми, что добилась благосклонности великой императрицы. Мэй Ли не знала, что её невинность и глупое поведение заставляли других людей смотреть на неё с отвращением и насмешкой.

Но теперь... по её поведению было видно, что она, вероятно, поняла. Она научилась.

— Ты можешь войти. — она слабо улыбнулась Мэй Ли.

Сяо Чжуан посмотрела на Мэй Ли и евнуха позади неё, несущего багаж. Это была такая маленькая сумка, что она не могла не чувствовать столько сострадания. Этот ребёнок Мэй Ли действительно такая жалкая. Особенно сейчас стало душераздирающе видеть её такой послушной. Возможно, назначенное ей лечение было слишком тяжёлым, это повлияло на её жизненный тонус. Сяо Чжуан только вздохнула с тяжёлым сердцем.

— Жарко, не так ли? Иди и выпей холодного чая.

Она попросила Мэй Ли сесть рядом с ней. Увидев её потное лицо, великая императрица вытерла пот Мэй Ли носовым платком.

Мэй Ли улыбнулась и мягко покачала головой.

— Оставайся пока у меня, ладно? — Сяо Чжуан нахмурилась. — Теперь о тебе никто не позаботится. Твоё тело... — старуха посмотрела на хрупкое тело Мэй Ли и уставилась на её красивое, но бледное лицо. — ... ты должна позаботиться об этом.

После паузы тон Сяо Чжуан стал странным, и её глаза отвернулись, как будто она была немного виновата.

— Ты должна позволить Юань и другим научить себя навыкам и принципам жизни дома.

Мэй Ли встала на церемонии и поблагодарила её за благословения. Она вспомнила слова мужчин на склоне, которые говорили о ней во время охоты. Она знала, что Лао Цзунун собирается выдать её замуж. Она не могла подумать, кто будет этим несчастным парнем, поэтому она только горько улыбнулась. Кем бы он ни был, у неё не было семьи, которая предоставила бы ей щедрое приданое, поэтому меньшее, что она могла бы сделать, это сделать всё возможное, чтобы выполнить свой долг и относиться к будущему мужу как к любимому человеку. Только таким образом она сможет отплатить этому человеку за то, что у него в женах такая, как она.

Снаружи слышались приветствия. Затем к коленопреклонённой толпе подошёл Канси со слабой улыбкой. Мэй Ли также почтительно поклонилась императору и приготовилась уйти.

— Садись. Тебе не нужно уходить. — император улыбнулся.

Хотя он и не смотрел на неё, его тон стал немного небрежным. Мэй Ли пришлось сесть и слегка держать и сжимать ноги Лао Цзунун, чтобы не сидеть так неловко, ничего не делая.

Внук и бабушка разговаривали, пока Канси не сказал:

— Что Лао Цзунун думает об этой Суин?

Сяо Чжуан была ошеломлена и каким-то образом поняла, почему император не позволил Мэй Ли уйти. Хотя она не могла сказать об этом Мэй Ли, она не могла легко отмахнуться от слов императора.

— К счастью, темперамент у неё мягкий, а лицо красивое, — она сделала комплимент непрошеным тоном.

— В настоящее время наши военные расходы ограничены, особенно важны финансы Цзяннаня. Я считаю, что с этим может справиться Чжа Муланг. Он служит уже много лет, и я знаю, что он — лучший выбор. — Канси сказал легко.

Хотя Мэй Ли не могла до конца всё понять, она уже догадалась о намерениях императора. Они собирались воевать с джунгарами, и пришлось обойтись большими деньгами. Поскольку большая часть бюджета была из Цзяннаня, им нужен был кто-то, кто не просто хочет, но и умеет торговать. Теперь Мэй Ли могла представить, насколько здесь глубока вода [1], но она знала, что отец Суин такой человек.

— В последнее время Чжа Муланг был очень эффективным директором в Министерстве домашних хозяйств. Я [2] думаю о том, как поощрить его дочь, и с этим можно справиться, подарив ей хороший брак. Из всех твоих имперских племянников не так много подходящих. Только Цзинсюань имеет статус и талант и выглядит достойно её. Лао Цзунун это также видит. Они двое были очень близки и очень заинтересованы друг в друге. — Канси улыбнулся и добавил. — Я уже сказал об этом Цзинсюаню в частном порядке, и он также знает ставки, стоящие за этим шагом. Но помимо этих дел, он также очень любит Суин. Поэтому я пришёл просить Лао Цзунун о даровании этого брака. Разве благословения самой Лао Цзунун не более благоприятны, весомы и удовлетворительны, чем её внука?

Лицо Мэй Ли не изменилось. Но в тот момент, когда она услышала, как Император произнёс имя Цзинсюаня, руки, сжимавшие ноги Лао Цзунун, немного задрожали. Но она старалась воздерживаться от ненужных реакций, поэтому могла лишь небрежно массировать ноги старухи, как ни в чём не бывало. Тем не менее, она не должна была слишком удивляться этому.

Император не позволил ей уйти только для того, чтобы она услышала эти слова, не так ли? Улыбка уголков её рта стала глубже. Возможно, император слишком сильно волновался. Потому что, как бы она ни была глупа, в этом деле... она уже разобралась за эти два года.

Не переоценивает ли Император её преданность этому человеку? Она ведь женщина. Как ей не разочароваться в мужчине, который даже не взглянул на неё? Тогда она даже отдала евноху своё последнее оставшееся серебро, чтобы попросить Императора от её имени, чтобы Цзинсюань хотя бы пришёл и навестил её. Но он этого не сделал. Император даже не дал евноху возразить.

Ей не хотелось заново переживать это чувство потери и беспомощности, держа за руку маленького евноху и снова и снова спрашивая его о том, что сказал император. «Что он сказал?» Но маленький евнох только отвечал: «Ничего» или просто «Гм». Боль того момента запечатлелась в её сердце. Разве она недостаточно страдала? Даже она сама смеялась над

собой.

Она поняла, что Император уже много раз намекал ей. Но она была настолько глупа, что не могла понять. Она была такой тупой, потому что была упрямой. Неудивительно, что она была грустной, и никто не выразил ей сочувствия. Все были полумёртвые в чувствах, глядя на её тупоумие. Поскольку она знала, какой ужасной она когда-то была, она также чувствовала, что заслужила всё плохое.

В настоящее время же, она с лёгкостью понимала намёки. Она всегда очень внимательно всё слушала, чтобы в будущем её снова не обидели.

— Что ж, это счастливый случай. Цзинсюань тоже должен создать свою семью. — Сяо Чжуан кивнула, но перед Мэй Ли она не осмелилась быть слишком восторженной.

— Твой внук подумал, что после весенней охоты я должен попросить Лао Цзунун сделать указ о свадьбе, прежде чем идти в армию и сражаться с джунгарами. Нам с Чжа Муланг нужно отвлечься от этого.

Сяо Чжуан кивнула.

Выйдя из дворца великой императрицы, Мэй Ли отвели в боковой зал, чтобы она тихонько привела в порядок свои вещи. Вещей было немного, она их упаковала за некоторое время. Она была очень довольна своим настроением в данный момент, была просто спокойной и равнодушной. Это как если бы услышать о женитьбе какого-то незнакомца, а не Цзинсюаня.

Не успела она отхлебнуть чая, как пришла служанка и попросила её снова пойти к великой императрице. Мэй Ли была немного смущена. Разве Лао Цзунун не сказала ей отдохнуть? Есть что-то срочное?

Прежде чем войти в дверь, она услышала, как в комнате кто-то разговаривает весёлым тоном. Есть ещё гости?

Сяо Чжуан в спальне стояла рядом со своим любимым цветком, а женщина стояла спиной к двери. Женщина, которая показалась Мэй Ли слегка знакомой, осторожно окропляла водой распустившиеся цветы. Они задушевно разговаривали и смеялись, что даже Юань гугу, которая лишь изредка улыбается, необычно изогнула губы и даже радостно шептала что-то.

— Иди сюда, девочка. — Сяо Чжуан кивнула Мэй Ли, и женщина, наконец, обернулась, когда услышала слова, и посмотрела на неё с доброй улыбкой.

Мэй Ли некоторое время напряжённо думала, прежде чем наконец вспомнила, что эта женщина была матерью Юнхэ — Ин Жу Фуцзинь. Поскольку она была очень благодарна за доброту Юнхэ на охоте, она была очень искренней в своих поздравлениях с удачей.

— Только ты умеешь так ухаживать за цветами и растениями! — Сяо Чжуан вернулась и села на кирпичную кровать, продолжая разговаривать с Ин Жу Фуцзинь. — Юань не так хороша, как ты.

— Этой рабе просто нравится возиться с ними... — Ин Жу Фуцзинь засмеялась и смиренно сказала.

— Как говорится, женщины, умеющие выращивать цветы, умеют выбирать мужчин. Ты понимаешь, почему Юань здесь страдает? — поддразнила Сяо Чжуан, спровоцировав Ин Жу и

Юань.

Юань защищалась:

— Это рабыня, которая будет служить Лао Цзусун всю свою жизнь.

— Ин Жу. Я так счастлива, что ты вернулась. Приходи ко мне почаще. Позаботься о нескольких цветочных саженцах в моём саду! Садовники не могут сравниться с твоими навыками. — сказала Сяо Чжуан, попивая чай.

Ин Жу улыбнулась и согласилась.

— Это Сяо Мэй Ли. Ребёнок, которого я всегда беру с собой. Ей пора выйти замуж. — Сяо Чжуан улыбнулась и нежно указала на Мэй Ли. — Научи её большому, чтобы с ней было легко ладить в будущем. Я верю в твои способности по созданию семьи. Я вижу, как хорошо ты научила этого ребёнка Юнхэ.

Ин Жу Фуцзинь на мгновение опешила и услышала наполовину инсинуацию, произнесённую императрицей.

Мэй Ли посмотрела на лицо Ин Жу Фуцзинь, которое теперь медленно бледнело, уголки её рта застыли. Внезапно ей стало жаль её. Хотя то, что сказала Лао Цзусун, было очень мелодичным, подтекст можно было понять. Особенно для кого-то вроде Ин Жу, которая много лет знает Сяо Чжуан. Затем она увидела, как Ин Жу Фуджин тайно взглянула на Юань гугу раздражённым взглядом, как будто спрашивая у другой женщины подтверждения. Но Юань гугу только беспомощно кивнула.

Кропотливые усилия, которые Лао Цзусун приложила для неё, она, кажется, осознала только сейчас. Мэй Ли только опустила голову и прикусила губу. Слухи в столице... Всеобщее презрение к её семье... Лао Цзусун, естественно, знала, что та боялась страданий, если бы выходила замуж за члена другой семьи, поэтому, подумав об этом, она выбрала Ин Жу её свекровью. Из-за милостей Сяо Чжуан, которые изменили жизнь этой женщины, даже несмотря на то, что Ин Жу Фуцзинь не хотела, она никогда не смогла бы обращаться с Мэй Ли жестоко.

Она также глубоко переживала дилемму Лао Цзусун.

Опасаясь, что Ин Жу Фуцзинь резко отреагирует, она лишь туманно и уклончиво намекнула, оставив для рассуждений достаточно места.

Мэй Ли крепко сжала кулаки. Она должна действительно дорожить усилиями и страданиями Лао Цзусун. Как бы ни была она задумчива, она не смогла к этому подготовиться и могла только пожалеть их всех. Если бы она знала об этом раньше, они, вероятно, не оказались бы в такой ситуации.

[1] Это означает, что она не знает, насколько сложными были вопросы. Но чаще используется фраза 水深 (shui hen shen), что дословно переводится как «вода очень глубокая».

[2] В любом случае, император всегда использует 朕 (чжэнь) для обозначения самого себя.